

НАДЕЖДА ДАЛЛАС

В двух шагах от тебя

18+

Надежда Даллас

В двух шагах от тебя

«Автор»

2026

Даллас Н.

В двух шагах от тебя / Н. Даллас — «Автор», 2026

Окон в доме тридцать два. Нора Хейл проверяет их каждое утро. Полгода назад её похитили прямо у университета и три недели держали в подвале ради выкупа. Её спасли. Но из подвала она так и не вышла: теперь ей двадцать два, она не может дойти даже до ворот собственного дома и спит только при приоткрытой двери. Отец нанимает ей очередного телохранителя. Люк Мерсер, тридцать два года, бывший морпех. Он не жалеет её, не уговаривает и не говорит с ней, как с больной. Он просто стоит рядом. В двух шагах. И ждёт, пока она сама решит сделать следующий шаг. Шаг до ворот. До университета. До его плеча в машине посреди ночи. Но Люк знает о той ночи в подвале больше, чем говорит. А кто-то из тех, кто был там, снова подходит к почтовому ящику Норы. И чем ближе она к свободе, тем яснее понимает: самое страшное ещё не случилось. И угроза может быть совсем рядом. Иногда, чтобы выйти из темноты, нужно разрушить весь свой мир. И довериться тому, кто когда-то этот мир у тебя отнял.

© Даллас Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сто шестьдесят четвёртый день	6
Глава 2. Новый	10
Глава 3. Дверь	14
Глава 4. Двадцать шагов	17
Глава 5. Условие	21
Часть II. Чужой мир	25
Глава 6. Порог	25
Глава 7. Тео	29
Глава 8. Клэр	32
Глава 9. Лорен	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Надежда Даллас

В двух шагах от тебя

Часть

I

. Дом

Глава 1. Сто шестьдесят четвёртый день

Человек может запереть все двери в доме и всё равно остаться снаружи — там, откуда он не вернулся.

Окон в доме тридцать два.

Я знаю это так же точно, как свою дату рождения, потому что каждое утро прохожу их по кругу. Сначала второй этаж: моя спальня, ванная, бывшая детская, где теперь мама хранит платья, которые больше не надевает, кабинет отца, гостевые. Потом лестница — девятнадцать ступенек, — гостиная, столовая, библиотека, кухня, оранжерея. Оранжерея самая неприятная: там стекло от пола до потолка, и шпингалеты на нижних рамах старые, тугие, их надо дёргать двумя руками.

Окна, потом двери. Входная, задняя, дверь в гараж, дверь из оранжереи в сад. Четыре.

Сигнализацию я не проверяю. Сигнализацию проверяет Грант, и если я начну проверять ещё и её, отец снова позвонит доктору Фогель и скажет своим спокойным голосом, каким он говорит с банками: «Мне кажется, у нас регресс».

У нас. Как будто это он сидел три недели в темноте и считал капли из трубы.

На кухне Инес уже варила кофе. Увидела меня, кивнула и ничего не сказала. За это я её люблю. Инес работает у нас девять лет и за полгода ни разу не спросила, как я себя чувствую.

— Твоя мама в гостиной, — сказала она, ставя передо мной чашку. — С утра.

«С утра» на языке Инес означало: уже с бокалом.

Я взяла кофе и пошла в гостиную не потому, что хотела увидеть маму, а потому, что надо было проверить там окна. Мама лежала на диване в шёлковом халате цвета топлёного молока, одна рука свисала вниз, пальцами почти касаясь ковра. Рядом на столике стоял бокал с белым вином, запотевший, полный. Значит, первый.

— Доброе утро, солнышко.

— Доброе.

Я подёргала задвижку на первом окне. Потом на втором.

— Нора, они закрыты. Их никто не открывал.

— Я знаю.

— Тогда зачем...

Третье. Четвёртое. Она замолчала и потянулась к бокалу. Иногда мне кажется, что мы с мамой занимаемся одним и тем же, просто у неё это выглядит красивее.

Доктор Фогель приезжала по вторникам и пятницам в одиннадцать. Ей шестьдесят три, она маленькая, сухая, носит мужские часы на тонком запястье и за первые два месяца не задала мне ни одного вопроса про подвал. Она приносила шахматы. Мы сидели в библиотеке, и я играла чёрными, потому что чёрные ходят вторыми и можно сначала посмотреть, что сделает противник.

В тот вторник она пошла пешком и сказала, не поднимая глаз от доски:

— Чего ты хочешь, Нора?

Я передвинула коня.

— Ничего.

— Хорошо. — Она подумала над ходом. — Ничего — это тоже желание. Довольно сильное. Его трудно исполнить.

— Почему?

— Потому что, пока ты жива, тебе всё время что-нибудь будет хотеться. Пить. Спать. Чтобы кто-нибудь посмотрел на тебя и не отвёл глаза. — Она съела моего коня слонем, которого я не заметила. — И каждый раз придётся себе это запрещать. Это очень много работы.

Я смотрела на доску. Слон стоял на месте моего коня, белый, гладкий, деревянный. Мне вдруг захотелось смахнуть его на пол.

— Я ничего не хочу, — повторила я. — Мне так проще.

— Я верю, что проще, — сказала Фогель. — Твой ход.

Отец вернулся к ужину, что случалось теперь чаще, чем раньше. До сентября я могла не видеть его неделями: банки, стройки, перелёты, фонд, фотографии с мэром. После сентября он стал приезжать домой каждый вечер, садился во главе стола и смотрел на меня так, как смотрят на дорогую вазу с трещиной. Вроде бы стоит. Вроде бы целая. Но лучше не трогать.

Грант ужинал с нами. Он ужинал с нами двадцать лет, сколько я себя помню, и в детстве я была уверена, что он родственник: какой-нибудь дядя, который просто не любит разговаривать. Грант был широкий, седой, с аккуратно подстриженными усами, и от него всегда пахло мятными леденцами. Когда мне было семь, он учил меня кататься на велосипеде по нашей подъездной дорожке и держал сзади за седло, пока я не крикнула, что всё, отпускай. Он отпустил, а я упала. Он потом три дня приносил мне леденцы.

Это он нашёл меня тогда, в октябре. То есть не он, а люди, которых наняла страховая, но когда меня привезли домой, первым, кого я увидела, был Грант. Он стоял у машины скорой и плакал. Я никогда не видела, как плачет Грант.

— Завтра приезжает новый человек, — сказал отец, разрезая стейк.

Мама подняла бокал и посмотрела сквозь него на свечу.

— Четвёртый, — сказала я. — Ставки принимаются?

— Нора.

— Нет, правда. Первый продержался три недели. Второй — девять дней. Третьего Грант уволил сам, так что он не считается.

— Он курил в машине, — сказал Грант.

— Он курил в машине, — согласилась я. — Ужасное преступление.

Первый ушёл после того, как я спряталась от него на чердаке на девять часов. Он вызвал полицию, полиция прочесала сад и пруд, а я сидела наверху, среди коробок с ёлочными игрушками, и слушала, как внизу мама кричит. Не на него, на меня. Я потом три дня не выходила из комнаты, и это был, наверное, единственный раз, когда мне было стыдно. Второй ушёл сам. Я просто ходила за ним везде, куда шёл он, на расстоянии двух шагов, и вслух считала его шаги. Он не выдержал на девятый день. Сказал отцу, что я больная. Он был прав, и поэтому я его возненавидела.

— Его рекомендовала страховая компания, — сказал отец. — Люк Мерсер. Восемь лет в морской пехоте, потом частная безопасность. У него очень хорошие отзывы.

— У всех были хорошие отзывы.

— Я был против, — сказал Грант, не поднимая глаз от тарелки. — Слишком молодой. Тридцать два года.

— Грант, мы это обсуждали.

— Обсуждали.

Отец положил нож.

— Нора. Я прошу тебя. Дай ему шанс.

Вот это «я прошу тебя» он говорил редко. Обычно он не просил, а решал. Мне вдруг стало его немного жалко: у него были красные глаза и седина на висках, которой не было в прошлом году. Потом я вспомнила, сколько стоила его тревога. Десять миллионов. Столько заплатила страховая. Я знала эту цифру, потому что мама однажды произнесла её вслух, тре-

тым бокалом, и после этого мне стало ещё труднее смотреть отцу в лицо. Он ведь не платил. За меня платила страховая. Как за разбитую машину.

— Хорошо, — сказала я. — Пусть приезжает.

Отец выдохнул. Грант наконец посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то странное, будто он хотел сказать мне что-то, но передумал. Потом он взял солонку и начал крутить её в пальцах, и я решила, что мне показалось.

Почту Инес приносила в восемь вечера. Обычно я её не трогала: письма из банков, счета, приглашения на благотворительные вечера, на которые мы больше не ходили. Отцовские журналы. Мамины каталоги.

Но в тот вечер я спустилась за водой, и Инес как раз раскладывала конверты на столике в холле. Один из них лежал отдельно. Белый, длинный, без марки. На нём печатными буквами, синей ручкой, было написано: «НОРЕ».

— Это в ящике было, — сказала Инес. — Без марки. Наверное, кто-то из университета. Однокурсники?

У меня не было однокурсников. Я проучилась три недели, а потом исчезла. Однокурсники присылали открытку в октябре, большую, с подписями, кто-то нарисовал на ней солнце. Больше не присылали.

Я взяла конверт. Он был лёгкий. Внутри что-то шуршало.

Я хотела отнести его наверх. Правда хотела. Но пальцы уже сами надорвали край, и я стояла посреди холла под люстрой, которую мама когда-то привезла из Венеции, и вытаскивала из конверта сложенный пополам листок.

Не письмо. Страница из книги.

Желтоватая бумага, мягкая, как бывает у старых изданий в бумажной обложке. Край неровный — вырвали, а не вырезали. Номер внизу: восемьдесят семь. И на полях, сбоку от абзаца про реку, — тонкая карандашная линия. Неровная, дрожащая, проведённая огрызком карандаша в темноте, почти на ощупь.

Я знала эту линию. Я её провела.

В подвале был свет — одна лампочка под потолком, которую включали снаружи и выключали снаружи. Иногда она горела по несколько часов. Иногда не горела сутками. На четвёртый или пятый день голос за дверью спросил, умею ли я читать. Я сказала: да. Он сказал: я тебе кое-что оставляю. И под дверью, в щель, где не хватало порога, протолкнули книгу. Потом карандаш. Огрызок, короткий, со сгрызленным концом.

Я читала, когда горела лампочка. Когда не горела, держала книгу на коленях и водила пальцем по строчкам, которые помнила. Я подчёркивала то, что хотела запомнить, потому что мне казалось: если я умру там, то кто-нибудь найдёт книгу и поймёт, о чём я думала.

Книгу я оставила там. Меня выносили на руках, я не помню, кто, и книга осталась на матрасе.

Про книгу я никому не говорила. Ни полиции, ни агенту Руис, ни Фогель. Ни отцу. Это было моё. Единственное, что было там моим.

Знать о ней могли только те, кто был там.

— Нора? — Инес смотрела на меня. — Ты белая совсем. Сядь.

Я не села. Я начала считать.

Один. Два. Три. Люстра из Венеции, сорок восемь подвесок, я их когда-то пересчитала, когда мне было десять. Четыре. Пять. Дверь входная, заперта, я проверяла в семь. Шесть. Окна в холле, два, заперты.

Семь.

Восемь.

На девяти я поняла, что листок у меня в руке ходит ходуном, будто на сквозняке. А сквозняка не было. Все тридцать два окна были закрыты.

Глава 2. Новый

Страницу я спрятала в «Джейн Эйр», на верхней полке, между двумя томами энциклопедии птиц. Утром оказалось, что это не имело никакого смысла: Инес рассказала Гранту про конверт без марки, Грант рассказал отцу, отец позвонил агенту Руис, и к девяти утра все в доме знали, что мне что-то прислали, но никто не знал что.

— Нора, что было в конверте? — спросил отец через дверь.

— Реклама.

— Нора.

— Реклама пиццы. Я съела купон.

Он постоял ещё немного и ушёл. Я слышала, как он сказал Гранту на лестнице: «Пусть с ней Руис разговаривает». Агент Руис должна была приехать завтра. Новый человек — сегодня в десять.

В девять пятьдесят я была в оранжерее.

Оранжерею мама строила, когда мне было двенадцать. Три года она выписывала откуда-то лимонные деревья, гибискусы, орхидеи в горшках из мха и разговаривала с ними по утрам, как с детьми. Потом ей надоело. Теперь здесь стояли сухие кадки, лимоны в них превратились в серые палки с остатками листьев, а орхидеи Инес выбросила ещё в декабре. Пахло пылью и землёй. Сюда никто не ходил, кроме меня, и то только ради шпингалетов.

Я села на пол за самой большой кадкой, спиной к стеклянной стене, подтянула колени и стала ждать.

Это было глупо. Я понимала, что это глупо. Мне двадцать два года, и я прячусь от охранника за мёртвым лимоном. Но в том, чтобы прятаться, был смысл, который трудно объяснить отцу или Фогель. Когда ты прячешься, ты сама решаешь, когда тебя найдут. Это единственное, что у меня осталось, чтобы решать.

В десять ноль три к дому подъехала машина. Я слышала шорох гравия, хлопок двери. Голоса в холле: отец, низкий незнакомый, Грант. Потом голос отца стал громче: «Нора!» Потом шаги по лестнице. Потом — тишина.

Я смотрела на часы на телефоне.

Тот, первый, искал меня по всему дому, хлопал дверями и звал по имени. Второй даже не стал искать, сел в холле и ждал, пока я выйду сама. Этот не звал и не ждал. Я вообще его не слышала. Это было хуже, чем если бы он звал.

Десять пятнадцать. Где-то на втором этаже скрипнула половица у кабинета. Десять семнадцать. Тихо.

Десять четырнадцать — нет, я перепутала, уже десять двадцать одна. Я перестала понимать, сколько прошло, и от этого у меня начали холодеть пальцы. Я положила ладони на пол. Плитка была холодная, настоящая, твёрдая. Один, два, три.

— За левой кадкой сквозняк, — сказал голос над моей головой. — Там рама неплотно прилегает. Вы застудите спину.

Я дёрнулась так, что ударилась затылком о стекло.

Он стоял в проходе между кадками. Не близко — метрах в трёх, и это я потом тоже отметила: что он не подошёл ближе. Высокий. Тёмные волосы, коротко стриженные, но не военному коротко. Серая куртка, под ней чёрная футболка, джинсы. Лицо обычное, без того, что мама называет «породой», нос когда-то был сломан и сросся с лёгкой горбинкой. Глаза светлые, серые или голубые — в оранжерее было не понять. Он смотрел не на меня. Он смотрел на дверь в сад, потом на окна, потом на дверь в дом, и только потом на меня.

— Как вы меня нашли?

— Одиннадцать минут, — сказал он, как будто я спросила, сколько времени. — Я проверил места, где вас не было.

— Это не ответ.

— Это ответ. Наверху вас нет, вы бы не пошли туда, где вас станут искать первым делом. В подвал вы не пойдёте. — Он сказал это ровно, без паузы, как говорят «в гараже темно». — Чердак ваш предшественник уже проверял, вы бы не повторились. Значит, где-то внизу, где есть второй выход. Тут их два.

— Вы считаете выходы?

— Всегда.

Я встала, не отряхиваясь. Затылок саднило, и мне было стыдно, а когда мне стыдно, я становлюсь неприятной.

— Вас предупредили, что я ненормальная?

— Мне сказали, что вы выгнали троих.

— Одного выгнал Грант.

— Значит, двоих. — Он слегка пожал плечами. — Нормальные люди столько не выгоняют. Им лень.

Внутри у меня что-то дёрнулось, похожее на смех, и я задавила его так быстро, что почти поверила, будто его не было.

— Меня зовут Люк Мерсер, — сказал он.

— Я знаю.

— Хорошо. Тогда одна вещь, мисс Хейл, и я больше не буду вам надоедать сегодня. Нас ждут в кабинете вашего отца.

— А если я не пойду?

— Тогда я пойду один и скажу ему, что вы здесь. И он придёт сюда. И будет стоять примерно вот тут. — Он кивнул на сухой гибискус. — И говорить с вами таким голосом, каким говорят с людьми на краю крыши. Вы этого хотите?

Нет. Я этого не хотела. Я ненавидела этот голос больше всего на свете.

Я прошла мимо него, задев плечом лимон, и с ветки посыпались сухие листья. Он отступил, пропуская меня, и пошёл следом. Не за спиной, а чуть сбоку, так, чтобы я его видела.

В кабинете отец сидел за столом, Грант стоял у окна. Мне предложили кресло, я его не взяла и встала у книжного шкафа. Люк тоже не сел.

Отец говорил долго. Про ситуацию, про агента Руис, про то, что мы «все надеемся на сотрудничество». Я смотрела на корешки книг, которые никто никогда не открывал: «Искусство войны», «Семь навыков», биография Рокфеллера. Отец любил книги, которые обещают, что жизнь можно выиграть.

— Мистер Хейл, — сказал Люк, когда отец замолчал. — Одно условие.

— Слушаю.

— Я работаю на вашу дочь. Не на вас.

Отец поднял брови. Грант отвернулся от окна.

— Плачу вам я, — сказал отец мягко, тем голосом, каким он говорит с банками, когда банки ещё не поняли, что проиграли.

— Платите вы. А отчитываюсь я перед ней. Вам — только то, что касается её безопасности. Куда она ходит, с кем говорит, что читает — это не ваше дело и не моё.

— Это так не работает, — сказал Грант. Голос у него был спокойный, но я знала Гранта двадцать лет. Он злился.

— Тогда найдите пятого, — сказал Люк. — Я уеду через десять минут, без обид.

Стало тихо. Отец посмотрел на меня. Я смотрела на Рокфеллера.

Я не знаю, почему я это сделала. Может, мне просто хотелось, чтобы Грант разозлился ещё больше. Может, я хотела посмотреть, что будет. А может, никто никогда не говорил при мне вслух, что моя жизнь — это не дело моего отца, и мне хотелось услышать это ещё раз.

— Пусть остаётся, — сказала я.

Отец выдохнул. Грант снова отвернулся к окну.

Первую проверку я устроила в тот же день, в четыре. Пошёл дождь, холодный, мартовский, с ветром, и я спустилась в холл, где Люк разговаривал с Инес про расписание доставок.

— Мистер Мерсер.

— Люк.

— Мистер Мерсер. Мне нужно, чтобы вы постояли у ворот.

Он посмотрел в окно, на ворота, на дождь, потом на меня.

— Зачем?

— Мне так спокойнее.

— Нет.

Инес, которая делала вид, что ищет что-то в ящике комода, замерла.

— Что значит «нет»? Вы же работаете на меня. Сами сказали.

— Работаю. Поэтому и нет. — Он сказал это без раздражения, будто объяснял дорогу. — У ворот есть камера, сигнализация и датчик движения. Если я буду там стоять, я буду мокрым и бесполезным, а дом останется без меня. Это не про безопасность. Это про то, сколько я выдержу.

Я почувствовала, как у меня горят уши.

— А вы сколько выдержите?

— Больше, чем вы думаете, мисс Хейл, — сказал он. — Но не под дождём просто так. Это скучно.

И вернулся к Инес и её расписанию. Инес вытащила из ящика наконец какую-то бумагу, хотя я была уверена, что ей там ничего не было нужно, и посмотрела на меня поверх неё. Мне показалось, что она улыбается. Я ушла наверх и хлопнула дверью. Потом вспомнила, что не хочу закрытую, и открыла её снова, на ширину ладони, и от этого разозлилась ещё сильнее.

К вечеру я заметила про него несколько вещей, хотя совсем не собиралась ничего замечать.

Он не садился спиной к двери. Даже на кухне, где Инес поставила ему тарелку на привычное место водителя, он молча переставил её на другой край стола.

На левой руке у него были шрамы на костяшках, белые, старые, как будто он однажды ударил кулаком что-то, что было твёрже кулака.

Он говорил мне «вы». Все в этом доме, кроме мамы, говорили мне «вы» только тогда, когда сердились, а потом снова переходили на «Нора, солнышко, детка». Этот говорил «вы» всё время, ровно, без нажима. Как будто я была взрослым человеком, а не вазой с трещиной.

И ещё. В восемь, когда Инес несла почту, он вышел в холл, взял у неё стопку конвертов, просмотрел каждый и только потом положил на столик. Я стояла на лестнице и видела, как он задержал пальцы на пустом месте, где вчера лежал белый конверт без марки.

Он поднял голову.

— Что было в письме, мисс Хейл?

— Реклама пиццы.

Он кивнул.

— Хорошо.

И всё. Никаких «Нора, это важно» и «мы все за тебя переживаем». Просто «хорошо», как будто моя ложь была ответом, который его вполне устроил. Я поднялась к себе и долго стояла перед полкой с «Джейн Эйр», не решаясь её достать.

Люк

Комнату ему отвели над гаражом: кровать, шкаф, стол, окно во двор. Из окна был виден дом, и окно на втором этаже, третье слева, в котором горел свет.

Он сидел на кровати, не включая лампы, и смотрел на это окно.

Она его не узнала. Он был почти уверен, что не узнает, — она тогда была под чем-то, зрачки во всю радужку, голова болталась у него на плече. Но всё равно, когда он вошёл в оранжерею и увидел её на полу за кадкой, у него на секунду перехватило в груди, и он, чтобы не стоять столбом, начал считать окна.

В подвале был коридор. Узкий, бетонный, метров пятнадцать. Лампа в конце мигала. По коридору шли двое: она, босиком, и парень в серой толстовке с капюшоном. Парень держал её за запястье. В другой руке у парня был пистолет.

Люк выстрелил один раз.

Потом он нёс её по лестнице наверх, и она ничего не весила, совсем. Как будто под одеялом, которое ему кто-то сунул, никого не было. На середине лестницы она открыла глаза и сказала одно слово. Отчётливо, как будто это было самое важное.

«Книга».

Он не понял тогда, о чём она. Он не вернулся.

Телефон завибрировал. Рэй.

— Ну? — сказал Рэй вместо приветствия. — Как она?

— Пряталась от меня в оранжерее.

— Нашёл?

— За одиннадцать минут.

— Стареешь. — Рэй помолчал. — Ты ей сказал?

Люк смотрел на окно. Свет не гас.

— Нет.

— Люк.

— Ей кто-то прислал страницу из книги, Рэй. Из той, что была в подвале. Я видел её сегодня в холле, у неё лицо было как тогда, на лестнице.

Рэй долго молчал.

— Тем более скажи.

— Не сейчас.

— А когда?

Он не ответил. Рэй вздохнул в трубку, сказал, что позвонит завтра, и отключился. Люк положил телефон экраном вниз и не лёг.

Свет на втором этаже, в третьем окне слева, горел до утра. Он знал это точно, потому что тоже не спал.

Глава 3. Дверь

Агент Руис писала перьевой ручкой. Это было первое, что я запомнила о ней ещё в октябре, когда она пришла в мою палату и села на стул у окна: у неё была чёрная перьевая ручка с золотым колпачком, и она писала ею в блокноте на пружине, мелко, с наклоном влево. Все остальные полицейские стучали по планшетам.

В этот раз она села в библиотеке, в отцовское кресло, положила блокнот на колено и сказала:

— Покажи.

Не «что было в конверте». Не «нам нужно поговорить». Просто: покажи.

Я посмотрела на отца. Он стоял у камина и делал вид, что его здесь нет, у него это никогда не получалось. Грант стоял у двери. Люк — у окна, спиной к стене, так, чтобы видеть всех.

Я встала, сняла с полки «Джейн Эйр» и вытащила сложенный листок.

Руис развернула его, не торопясь. Посмотрела на номер страницы, на карандашную линию. Посмотрела на меня.

— Это ты подчеркнула?

— Да.

— Где?

Я молчала. В комнате стало так тихо, что было слышно, как тикают каминные часы, которые мама называла «бабушкиными», хотя бабушка их в глаза не видела.

— Там, — сказала я. — Внизу.

Отец сделал шаг от камина, и Руис, не поворачиваясь, подняла руку. Он остановился.

— Расскажи про книгу.

И я рассказала. Не всё — про голос за дверью я не сказала, только что «кто-то из них» просунул книгу под дверь. Про карандаш. Про то, что я читала, когда горела лампочка. Про то, что книга осталась там, на матрасе.

Руис записывала. Когда я замолчала, она закрыла колпачок и положила ручку в блокнот, как закладку.

— Книги на месте не было, — сказала она. — Когда мы описывали помещение. Матрас, ведро, бутылки с водой. Книги не было.

— Значит, её кто-то забрал.

— Значит, её кто-то забрал, — согласилась Руис. — Кто-то, кто был там до нас или вернулся после. А теперь он знает, где ты живёшь, и подходит к твоему почтовому ящику.

Отец сказал что-то про охрану, про камеры по периметру, про то, что он «завтра же» что-то сделает. Грант сказал, что камеры по периметру есть. Руис их не слушала. Она смотрела на Люка.

— Мерсер, — сказала она. — Мы не встречались?

— Нет, мэм.

— Странно. Фамилия знакомая.

— Распространённая.

Она посмотрела на него ещё секунду, потом кивнула и убрала блокнот в сумку. Страницу она положила в прозрачный пакет и забрала с собой. Я смотрела, как пакет исчезает в её сумке, и мне казалось, что у меня что-то отбирают. Глупо. Это была просто страница. Восемьдесят седьмая. Про реку.

К вечеру в доме стало тесно.

Отец вызвал людей, и они до темноты ставили новые камеры: на воротах, на углу гаража, над задней дверью. Грант ходил за ними и проверял углы обзора. Мама заперлась в спальне

с бутылкой и сериалом про английских аристократов. Инес приготовила ужин на шестерых, а ели трое: я, отец и Люк, который сел на дальний конец стола, лицом к дверям.

Отец пытался говорить. Про погоду, про то, что в апреле надо будет почистить пруд. Я отвечала «да» и «наверное». Люк молчал. Он ел быстро и аккуратно, как едят люди, которые привыкли, что их могут в любой момент позвать.

— Мистер Мерсер, — сказал отец, — где вы будете ночевать? Над гаражом далеко от дома.

— В коридоре второго этажа. Если мисс Хейл не против.

Оба посмотрели на меня.

Я была против. Мне не нужен был чужой мужчина под дверью, который слышит, как я хожу ночью по комнате, как включаю и выключаю лампу, как открываю окно и закрываю. Мне не нужен был свидетель.

— Не против, — сказала я.

Потому что подходил к моему почтовому ящику кто-то, кто был там. А Люк Мерсер, по крайней мере, точно там не был.

В подвале была труба. Она шла под потолком в углу, ржавая, толстая, и из неё капало. Не всё время, а с какой-то своей логикой, которую я так и не поняла за три недели: то по капле в секунду, то с перерывами в минуту, а то вдруг подряд, быстро-быстро, как будто кто-то наверху открыл кран. Капли падали в лужу на бетоне. Звук был негромкий. Звонкий. Я его слышала даже во сне.

Я его и сейчас слышала.

Я открыла глаза в темноте и не сразу поняла, где я. Было темно, и капало. Капало. Капало.

Кран в ванной. Инес вечером меняла прокладку и, видимо, не дотянула. Капало в раковину. Я это поняла головой, но тело уже не слушало голову.

Дверь была закрыта.

Я оставляла её открытой на ладонь. Всегда. Каждую ночь. А сейчас она была закрыта: может, мама шла мимо, может, сквозняк от новых людей с камерами, которые весь вечер открывали окна на лестнице. Я не знаю. Я видела в темноте белый прямоугольник двери, и между ней и косяком не было никакой щели.

Воздух кончился.

Это трудно описать тому, с кем такого не было. Ты дышишь, грудь поднимается, но воздух не доходит туда, куда надо. Он застревает где-то над ключицами. Ты дышишь чаще, и от этого его становится ещё меньше. Пальцы немеют, сначала кончики, потом ладони, их колет изнутри, как будто ты их отлежала. А сердце бьётся так, что его слышно в ушах, и ты думаешь: вот, сейчас. Вот сейчас оно остановится. И никто не откроет дверь.

Я сидела на кровати и не могла встать. До двери было четыре шага. Я знала, что их четыре, я их считала сотни раз. Я не могла сделать ни одного.

Стук. Негромкий. Костяшками пальцев, два раза.

— Мисс Хейл.

Я не ответила. Не могла.

— Я не войду, — сказал голос за дверью. — Вы слышите меня? Я не войду, пока вы не скажете. Открыть дверь?

Я хотела сказать «да». Получился какой-то звук, хриплый, как у собаки.

Но он, видимо, понял. Ручка повернулась. Дверь открылась — не настежь, а на ладонь, ровно на ладонь, как я оставляла её всегда. Из коридора лёг на пол узкий жёлтый свет от ночника.

Я не видела его. Он не встал в проёме. Я слышала, как он сел на пол где-то сбоку, спиной к стене, и как скрипнул паркет.

— Я здесь, — сказал он. — Можете не отвечать.

Капало в ванной. Я считала.

— У меня в детстве была собака, — сказал он. Голос у него был совершенно обычный, не тот, каким говорят на краю крыши. Таким голосом рассказывают что-нибудь в машине, когда дорога длинная. — Охайо, маленький город, вы про такие не слышали. Собаку звали Сардина. Это сестра придумала. Ей было пять, она хотела кошку, а отец принёс щенка. И она сказала: ладно, но тогда я назову его как кошачью еду. Он был огромный, чёрный, глупый, как пробка. Боялся пылесоса. Когда мать включала пылесос, Сардина лезла под мою кровать, а он туда не помещался, и у него снаружи оставался весь зад и хвост, и хвост дрожал.

Я не знала, зачем он мне это рассказывает. Но я слушала. Это было что-то, за что можно держаться, как за перила.

— Рядом с домом шла железная дорога, — сказал он. — Товарняки ходили. Длинные, по сто вагонов. Мать нас с сестрой учила считать по ним. Сидим на крыльце, идёт поезд, и считаем вагоны. Сестра всегда сбивалась на сорока и начинала сначала. Я злился. Давайте попробуем? Я буду говорить, какие вагоны. Вы считайте.

Пауза.

— Первый — цистерна. Чёрная. Второй — цистерна. Третий — платформа, на ней трактор. Жёлтый.

Три, сказала я про себя.

— Четвёртый — крытый вагон, коричневый, на нём кто-то написал краской имя. Неразборчиво. Пятый — опять цистерна.

Пять.

Он говорил медленно. Вагоны были разные: с углём, с лесом, с машинами в два этажа, один зелёный с отбитой краской на боку. На двадцатом я заметила, что воздух опустился ниже ключиц. На тридцатом смогла пошевелить пальцами. На сороковом сказала вслух, хрипло:

— Сорок.

— Сорок, — согласился он. — Вы уже лучше сестры.

На пятьдесят каком-то я легла. На шестьдесят каком-то перестала слышать кран.

Не помню, на каком я заснула.

Утром коридор был пустой. У стены напротив моей двери стоял стул из гостевой спальни, а на полу рядом с ним — пустая кружка.

Дверь была открыта на ладонь.

Я спустилась на кухню в девять. Люк сидел на своём месте, лицом к дверям, и читал что-то в телефоне. Инес жарила яйца. Всё было как обычно, и я была за это так благодарна, что у меня защипало в носу.

— Доброе утро, мисс Хейл, — сказал он, не поднимая глаз.

— Доброе.

Я налила себе кофе. Постояла. Потом взяла вторую чашку, налила и поставила перед ним. Молча. Не глядя.

Он посмотрел на чашку. Потом на меня. Я уже отвернулась к окну.

— Спасибо, мисс Хейл.

— Кран в ванной течёт, — сказала я Инес. — Капает.

— Я знаю, — сказала Инес. — Мистер Мерсер уже сказал. Сантехник будет в одиннадцать.

Я пила кофе и смотрела, как по стеклу ползёт мартовская капля. Медленно, с остановками, будто сомневалась. Мне хотелось спросить его, как звали сестру. И почему он сказал «была собака», «была сестра». Я не спросила. Он тоже ничего не спросил про ночь.

Мы оба делали вид, что её не было. У нас неплохо получалось.

Глава 4. Двадцать шагов

От крыльца до ворот двести десять шагов. Я посчитала их в одиннадцать лет, когда отец купил этот дом и я бегала по подъездной дорожке с секундомером, пытаюсь побить собственный рекорд. Рекорд был сорок одна секунда. Сейчас мне казалось, что я не дойду до ворот за сорок один год.

— Не надо до ворот, — сказала Фогель в пятницу. Мы сидели над доской, и у меня опять кончались фигуры. — Надо до первой точки, где станет плохо. И постоять там. И вернуться. А в следующий раз на шаг дальше.

— Это как с собакой, которую приучают к поводку.

— Это как с любым живым существом, которое однажды очень сильно испугалось, — сказала Фогель. — Шах.

Люк, когда я ему это пересказала, просто кивнул.

— Завтра в десять, — сказал он. — Если хотите.

— А если не хочу?

— Тогда послезавтра.

В этом была его главная подлость: он никогда не уговаривал. С ним невозможно было спорить, потому что он не спорил.

Утро было холодное и ясное. Такое ясное, какое бывает только в марте, когда солнце ещё не греет, но светит уже в полную силу, и всё вокруг кажется вымытым. Мокрый газон блестел. На ветках старого клёна у ворот сидели какие-то птицы, много, и галдели так, будто у них было собрание.

Я стояла на крыльце. В куртке, в ботинках, которые не надевала с сентября. Ботинки были мне велики, хотя я точно помню, что покупала их по размеру.

Люк стоял внизу, у первой ступеньки. Не рядом.

— Правила, — сказал он. — Я иду сбоку, в двух шагах. Не впереди и не сзади. Вы говорите «стоп» — мы стоим. Вы говорите «назад» — мы возвращаемся. Больше никаких правил.

— А если я ничего не скажу и просто упаду?

— Тогда я вас подниму, — сказал он. — Но это вряд ли.

— Почему вряд ли?

— Вы не похожи на человека, который падает молча.

Я спустилась с крыльца. Три ступеньки.

Гравий хрустел под ногами, громко, как будто я шла по сахару. Раньше я этого не замечала. Раньше я вообще не замечала, как громко звучит мир, когда в нём ходишь. Один, два, три. Птицы на клёне. Четыре, пять. Запах мокрой земли и ещё чего-то, может, бензина с дороги. Шесть, семь, восемь.

На десяти я поняла, что дом у меня за спиной. Что если я обернусь, то увижу его целиком, со всеми его тридцатью двумя окнами. А впереди — ворота, а за воротами дорога, а по дороге может проехать что угодно.

Одиннадцать. Двенадцать.

— Хорошо идёте, — сказал Люк. Сбоку, в двух шагах.

Пятнадцать. Шестнадцать. Ладони вспотели в карманах куртки.

Восемнадцать. Девятнадцать.

За воротами, по дороге, медленно проехал фургон. Белый. Обычный белый фургон, каких тысячи, с какой-то надписью на боку, какой-то доставкой. Он проехал и скрылся за поворотом.

Двадцать.

В сентябре меня затолкали в белый фургон. Я шла от кампуса к парковке, говорила по телефону с мамой, спорила с ней про платье на какой-то ужин, и рядом остановился фургон, и боковая дверь отъехала, и меня втащили внутрь так быстро, что телефон ещё секунды две говорил маминими словами где-то на асфальте.

Меня вырвало прямо на газон.

Я стояла, согнувшись, упираясь руками в колени, и меня выворачивало кофе и тостом, и снова, уже пустотой, желчью, горько. В ушах шумело. Я слышала, как птицы на клёне всё ещё галдят, им было всё равно.

Когда стало можно разогнуться, передо мной была бутылка воды. Открытая. И сложенный носовой платок. Обычный, белый, хлопковый, какие сейчас никто не носит.

Я взяла и то, и другое. Прополоскала рот. Вытерла губы.

Люк стоял боком. Не ко мне, к дороге. Он смотрел на ворота, как будто там происходило что-то очень интересное.

— Не смотрите на меня, — сказала я. Голос был чужой, сорванный.

— Я не смотрю. Я смотрю на дорогу.

— Вы видели.

— Видел. — Он не стал врать. — Назад?

Я хотела сказать: «Да пошли вы». Хотела сказать что-нибудь такое, после чего он соберёт вещи, как второй, и уедет, и никогда больше не будет стоять рядом, когда я блюю на газон, как пьяная первокурсница. Хотела, чтобы ему стало так же стыдно, как мне.

Но он ведь не стыдился. Ему было не стыдно за меня. В этом и было дело.

— Назад, — сказала я.

Двадцать шагов обратно я прошла быстро и не считала. Дверь за собой закрыла сама. Поднялась к себе и до вечера не выходила.

Платок я не вернула. Он лежал у меня на столе, сложенный вчетверо, и я на него злилась.

Вечером я пошла на кухню, потому что после утра в желудке было пусто и меня мутило уже от голода. Инес ушла домой, свет горел только над плитой. Люк сидел за столом с кружкой чая и с какой-то бумажной картой, разложенной на половину стола. Карта нашего района. Карандашом на ней были обведены дома, повороты, перекрёстки.

Я открыла холодильник и сделала вид, что его нет. Он сделал вид, что меня нет.

Я отрезала себе сыра. Взяла яблоко. Постояла.

— Зачем вам карта? — спросила я, хотя совсем не собиралась.

— Чтобы знать, как отсюда уехать.

— Есть навигатор.

— Навигатор знает, как доехать. Это другое. — Он постучал карандашом по перекрёстку у заправки. — Отсюда три дороги. Две ведут в город, одна в сторону холмов. Если перекроют обе в город, остаётся третья. Если перекроют все три, есть просёлок через ферму, его нет в навигаторе.

— Вы всегда так делаете?

— В каждом месте, где работаю.

— И в каждой комнате считаете выходы.

Он поднял на меня глаза. При свете над плитой они оказались серыми, тёмными, как мокрый асфальт.

— Вы заметили.

— Трудно не заметить. Вы входите в комнату и сначала смотрите на двери, потом на окна, а потом уже на людей. Как будто люди — это мебель.

— Люди — это то, что меняется, — сказал он. — А двери обычно остаются на месте.

Я откусила яблоко. Оно было кислое, твёрдое, и от него свело скулы. Я села на стул напротив, с краю, чтобы между нами была карта.

— Зачем вы их считаете?

Он долго думал. Я уже решила, что не ответит.

— Чтобы знать, как уйти, — сказал он. — Когда знаешь, как уйти, можно остаться.

Я смотрела на карту. На карандашный кружок вокруг нашего дома.

— Я тоже считаю, — сказала я.

Я никому этого не говорила. Даже Фогель. Фогель, наверное, догадывалась, она вообще обо всём догадывалась, но я не говорила вслух.

— Окна, — сказала я. — Шаги. Ступеньки. Подвески на люстре в холле, их сорок восемь. Удары сердца. Капли. Там я считала капли из трубы. И сколько раз включали свет. И сколько раз мне приносили воду. Если считаешь, значит, время идёт. Значит, что-то кончится.

Он не сказал «бедная» и «как ужасно». Он вообще ничего не сказал. Только кивнул, медленно, как кивают, когда понимают что-то очень точно.

— Я считаю, чтобы знать, как уйти, — повторила я. — А вы, чтобы знать, сколько осталось. То есть наоборот. Я, чтобы знать, сколько осталось.

— Я понял, — сказал он.

Мы посидели молча. В холодильнике что-то загудело и щёлкнуло. Он сложил карту.

— Двадцать — это хорошо, — сказал он. — Для первого раза.

— Меня вырвало на двадцатом.

— Вас вырвало на двадцатом, а не на третьем. Завтра будет двадцать один.

Я хотела сказать что-нибудь колкое. Ничего не придумала.

Мама не спала. Я увидела свет в гостиной, когда поднималась к себе, и зашла, сама не знаю зачем. Она сидела в кресле у камина, в котором ничего не горело, с бокалом в руке и пустой бутылкой у ножки кресла. Ноги поджаты, волосы распущены. Красивая. Мама всегда была красивая, даже сейчас, даже такая.

— Солнышко, — сказала она. — Инес сказала, ты выходила.

— Двадцать шагов.

— Двадцать шагов, — повторила она, будто пробуя на вкус. — Это хорошо. Это очень хорошо, Нора.

Она протянула руку, и я подошла. Она взяла меня за пальцы, у неё были тёплые, влажные ладони.

— Знаешь, что я думаю? — сказала она. — Я думаю, лучше бы всё просто забыть. Как будто не было. Ты же помнишь, как было до? Ты была такая... Ты всегда смеялась. Давай просто забудем, а? Папа сделал всё, что мог. Он всё сделал, чтобы ты вернулась. Мы все так устали, солнышко.

Я смотрела на её руку. На кольцо с сапфиром, которое отец подарил ей на двадцатилетие свадьбы. На свои пальцы в её пальцах.

— Папа ничего не сделал, — сказала я. — Папа заплатил чужими деньгами. Страховая заплатила.

Мама замерла.

Не как пьяная, которая не расслышала. Она замерла по-настоящему, вся, даже бокал перестал покачиваться в руке. И лицо у неё стало другим. Трезвым. Испуганным.

— Не говори так, — сказала она тихо. — Никогда так не говори, Нора. Слышишь? Никогда.

Она отпустила мою руку. Отвернулась к пустому камину. Сделала глоток.

Я постояла ещё немного и ушла. На лестнице я поняла, что не понимаю, чего она испугалась. Что я обижу отца? Мама никогда не боялась его обидеть. Она обижала его каждый вечер, за ужином, с удовольствием.

Я решила, что она просто пьяна.

В половине второго ночи я спустилась вниз, надела ботинки на босу ногу и куртку поверх пижамы. Отперла входную дверь. Все три замка.

На крыльце было холодно и очень тихо. Птицы спали. Над клёном висела половинка луны, а гравий на дорожке под ней был серым, почти серебряным.

Я спустилась с крыльца. Три ступеньки.

Один, два, три. Хруст под ногами. Пятнадцать. Восемнадцать. Двадцать. Место, где меня вырвало, в темноте было не видно.

Двадцать один.

Я остановилась. Сердце колотилось, но воздух доходил куда надо. Я стояла на двадцать первом шаге посреди ночи, в пижаме, одна, и ворота были далеко, а дом был у меня за спиной, и мне вдруг захотелось засмеяться.

Я обернулась.

На крыльце, в тени, у колонны, стоял Люк. В футболке и джинсах, без куртки, руки в карманах. Он, наверное, стоял там с той секунды, как я повернула первый замок.

Он не подошёл. Не позвал. Он просто стоял.

— Двадцать один, — сказал он через весь двор, негромко.

— Я вас не просила.

— Не просили.

Я пошла обратно. Прошла мимо него, не глядя, задев рукавом. У двери остановилась.

— Вы что, вообще не спите?

— Иногда, — сказал он. — Идите, мисс Хейл. Холодно.

Я поднялась к себе и оставила дверь открытой на ладонь. Через какое-то время в коридоре скрипнул стул.

В ту ночь я заснула раньше, чем начала считать.

Глава 5. Условие

Письмо из деканата пришло в среду, в конце марта, и я прочитала его одиннадцать раз.

«Уважаемая мисс Хейл, учитывая обстоятельства... факультет готов рассмотреть... семинар профессора Ламберта “Гессе: дорога внутрь”, начало 15 апреля, вольнослушателем с возможностью зачёта... просим сообщить о вашем решении до 10 апреля».

Гессе. Я сначала не поверила. Потом засмеялась вслух, одна в комнате, и испугалась своего смеха. Книга, которую мне просунули под дверь подвала, тоже была Гессе. «Сиддхартха». Мягкая обложка, на обложке река и какой-то размытый человек в оранжевом. Я тогда не знала, что это знаменитая книга. Я вообще мало что знала до сентября. Я три года улыбалась на фотографиях отцовского фонда, а потом тайком подала документы на литературу, потому что мне хотелось хоть раз в жизни прочитать что-то, что не обещает, будто жизнь можно выиграть.

И вот теперь — семинар по Гессе.

Фогель сказала бы, что это не знак, а совпадение, и что знаки люди придумывают, когда боятся решать сами. Наверное, она права. Но я распечатала письмо и положила его под подушку, как в детстве клала туда выпавший зуб.

К тому времени я доходила до ста сорока.

Не каждый день. Были дни, когда я стояла на крыльце, смотрела на гравий и понимала, что сегодня нет. Люк в такие дни ничего не говорил, просто кивал и уходил в дом, как будто так и было запланировано. Были дни, когда я делала шаг назад: вчера сто десять, сегодня восемьдесят. Он не комментировал и это.

Но в целом цифры росли. Сорок. Семьдесят пять. Сто. На ста меня снова затрясло, без причины, на ровном месте, и я простояла там минут десять, обхватив себя руками, а он стоял в двух шагах, смотрел на клён и рассказывал, как его сержант в учебке учил их чистить картошку одним движением, и как у него, у Люка, получилось только к третьей неделе, и как сержант сказал, что у него руки растут не оттуда, и как через полгода эти же руки... Он не договорил, что через полгода сделали эти же руки. Я не спросила. Меня перестало трясти где-то на картошке.

В пятницу я впервые выиграла у Фогель. Она сдала ферзя так неуклюже, что я сразу поняла: нарочно.

— Вы поддались.

— Я старая женщина, — сказала Фогель. — У меня плохое зрение.

— У вас прекрасное зрение.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда считай, что я хотела посмотреть, что ты сделаешь, когда тебе дадут то, чего ты хочешь. Ты чуть не отказалась. Ты смотрела на ферзя секунд двадцать, как будто он заминирован.

Я хотела возразить и не смогла.

Отец прочитал письмо за завтраком. Медленно, держа его на вытянутой руке, потому что не взял очки. Мама смотрела в окно. Грант пил кофе у буфета, стоя.

— Нет, — сказал отец и положил письмо на стол текстом вниз.

— Я ещё ничего не сказала.

— Нора, не сейчас. Может быть, осенью. Может быть, через год. Есть онлайн-курсы, есть частные преподаватели, я найду тебе лучшего специалиста по этому... — он перевернул письмо и посмотрел, — по Гессе.

— Я не хочу специалиста по Гессе. Я хочу на семинар.

— Там двести человек на курсе, которых никто не проверял.

— Там двенадцать человек. Это семинар.

— Нора.

— Кампус большой, — сказал Грант от буфета. Голос у него был мягкий, примирительный, как всегда, когда он вставал между мной и отцом. — Открытая территория, десяток входов, парковки. Мы все помним, где это случилось, детка.

Он сказал «детка», как говорил, когда мне было семь. И у меня внутри что-то сжалось, не от нежности. Я вдруг подумала, что он прав. Мы все помним. Я помню, как отъезжает дверь фургона. И что? Значит, мне теперь до конца жизни нельзя туда, где это случилось? Значит, они победили, те, кто открыл эту дверь?

— Давай так, — сказала я отцу. Голос у меня не дрожал, и я этим гордилась. — Если до пятнадцатого апреля я дойду до ворот и выйду за них, я еду на семинар. Два раза в неделю. С ним. — Я кивнула на дверь, за которой, я знала, стоял Люк. — И люди Гранта больше не ходят за мной по саду. Если не дойду — делай что хочешь. Специалистов, онлайн-курсы, клинику в Швейцарии, о которой ты шепчешься с мамой.

Мама повернулась от окна. Отец побледнел. Они правда шептались про клинику, я слышала через стену, у нас старый дом, тонкие перегородки.

— Мистер Мерсер, — позвал отец, не повышая голоса.

Люк вошёл. Он не делал вид, что не слышал.

— Что вы думаете?

— Про клинику?

— Про университет.

Люк посмотрел на меня. Потом на Гранта. Потом на отца.

— Кампус можно сделать безопасным, — сказал он. — Не идеально. Идеально нигде не бывает, даже здесь. — Он не посмотрел на почтовый ящик за окном, но мы все о нём подумали. — Но достаточно. Мне нужно расписание, план корпусов, список преподавателей и неделя на подготовку.

— Вы считаете, что это разумно?

— Я считаю, что ей двадцать два года, а не двенадцать, — сказал Люк. — И что она сама поставила условие, которое трудно выполнить. Если выполнит, значит, готова.

Грант поставил чашку на буфет. Звук получился резче, чем нужно.

Отец долго молчал. Я смотрела на его руки. Он крутил обручальное кольцо, как всегда, когда проигрывал переговоры и не хотел этого показывать.

— До пятнадцатого, — сказал он наконец. — За ворота. Сама.

— Сама.

Он встал и вышел, не допив кофе. Грант вышел за ним. Мама снова отвернулась к окну, но я видела в стекле её отражение, и она улыбалась. Совсем чуть-чуть, одним уголком губ. Как будто я сделала что-то, на что у неё самой никогда не хватило смелости.

В гараж я пошла за старым велосипедным замком: мне втемяшилось в голову, что если я начну с сада, то надо и велосипед достать. Глупость. Я не садилась на велосипед лет пять. Но идти по дорожке с какой-то целью было легче, чем просто так.

Дверь в гараж из прихожей была приоткрыта. Я услышала голоса раньше, чем взялась за ручку.

— ...ты здесь для того, чтобы она была в безопасности, — говорил Грант. — Не чтобы она была счастлива. Это разные работы, сынок.

— Для неё это одна работа.

— Ты её не знаешь.

— А вы?

— Я двадцать лет её знаю. — В голосе Гранта появилось что-то, чего я раньше не слышала. Металл. — Я учил её кататься на велосипеде. Я был там, когда её привезли. Я знаю, что бывает, когда она уходит из-под присмотра.

Пауза. Потом Люк, тихо:

— Из-под чьего присмотра она ушла в сентябре, мистер Уоллес?

Тишина. Долгая. Я стояла у двери, прижав к груди сложенные руки, и не дышала.

— Где ты работал до этого? — сказал Грант. Голос снова стал мягким. Слишком мягким.

— Страховая тебя прислала, это я понял. А до страхового?

— В частной компании.

— Какой?

— Это есть в резюме.

— В резюме написано «частная безопасность, 2019–2025». Без названия.

— Значит, так и есть.

Что-то звякнуло, наверное, ключи. Шаги. Я отпрянула от двери и успела отойти к лестнице, будто только что спустилась. Грант вышел из гаража, увидел меня, и на его лице сразу появилась улыбка. Тёплая, привычная, усатая. Леденцовая.

— Детка. Ты что тут?

— Замок от велосипеда ищу.

— На верхней полке, слева, — сказал он и потрепал меня по плечу, проходя мимо. —

Не упали там.

Я проводила его взглядом. Потом вошла в гараж.

Люк стоял у отцовской машины и смотрел на меня так, будто знал, что я слышала каждое слово.

— Верхняя полка, слева, — сказал он.

— Я знаю.

Я встала на ящик и потянулась к полке. Замка там не было, были банки с краской и чьи-то старые перчатки. Я стояла на ящике спиной к нему и делала вид, что ищу.

— Почему вы за меня? — спросила я, не оборачиваясь. — Сегодня, за столом. Вам было бы проще согласиться с отцом. Он вам платит.

— Я не за вас, мисс Хейл.

Я обернулась.

— Я за то, чтобы вы вышли за ворота, — сказал он. — Это не одно и то же.

— Какая разница?

— За вас — это когда я считаю, что вы правы. А я не знаю, правы ли вы. Может, и нет. Может, через неделю на кампусе вас вырвет на ступеньках библиотеки на глазах у двухсот человек. — Он пожал плечами. — Но выходить или нет, решать должны вы. Не ваш отец, не мистер Уоллес и не я.

Я слезла с ящика. Замок так и не нашёлся. Позже выяснилось, что он лежал в ящике под верстаком, и Грант это прекрасно знал, потому что сам его туда положил два года назад.

Сто пятьдесят. Сто шестьдесят восемь. Сто девяносто.

Десятого апреля шёл дождь, и я не пошла. Одиннадцатого дошла до ста девяноста пяти и встала, потому что у ворот проехала полицейская машина, просто проехала, никуда не сворачивая, а у меня ноги стали ватными. Двенадцатого — двести.

Тринадцатого я не вышла совсем. Сидела у окна и смотрела на клён. На клёне распускались почки, мелкие, светло-зелёные, похожие на сжатые кулачки. Я думала о том, что отец, наверное, уже звонит в Швейцарию. Что Грант, наверное, прав. Что двадцать шагов — хорошо для первого раза, но я, кажется, так и останусь на первом разе, на всю жизнь.

Люк в тот день не постучал ни разу.

Четырнадцатого апреля я вышла на крыльцо в восемь утра. Было солнце. Птицы на клёне, кажется, разговаривали всё о том же.

Он стоял внизу, у первой ступеньки.

— Правила те же, — сказал он.

— Я помню.

Один. Два. Гравий. Двадцать — место, где меня вырвало, теперь там пробивалась трава, и место было как все остальные. Сорок. Семьдесят пять. Сто, и я не остановилась. Сто сорок. Пот по спине, под курткой. Сто девяносто пять, где проехала полиция. Двести.

Двести десять.

Ворота были чёрные, кованые, с завитками, которые выбирала мама из каталога, когда мне было одиннадцать. Я положила на них ладонь. Металл был холодный и влажный от росы, и он был настоящий. Совершенно настоящий.

Я нажала на кнопку на столбе, как нажимала тысячу раз до сентября. Ворота дрогнули и поехали в сторону, медленно, с ровным гудением.

За ними была дорога. Серая, мокрая, пустая. Обочина с прошлогодней травой. Столб с номером дома. Небо.

Я сделала шаг. Наружу.

Двести одиннадцать.

Мимо, в сторону города, проехала машина. Синяя, маленькая, за рулём женщина с кофе в руке. Она даже не посмотрела на меня. Я стояла на обочине и смотрела ей вслед, пока машина не скрылась за поворотом у заправки, где, как я теперь знала, расходятся три дороги.

Меня не вырвало.

Двести двенадцать. Двести тринадцать.

Я обернулась. Люк стоял по ту сторону ворот, на территории, в двух шагах от линии, по которой они ездят. Он не вышел за мной. Руки в карманах. Лицо спокойное. Только на виске, у самых волос, билась жилка, и я вдруг поняла, что он волновался. Всё это время. Он, который никогда ничего не показывал.

— Двести тринадцать, — сказала я.

— Я считал, — сказал он.

На втором этаже нашего дома, в окне отцовского кабинета, стоял человек. Против света было не понять, отец или Грант. Он смотрел на меня, на обочину, на открытые ворота. Потом штора задёрнулась.

Я вернулась во двор и закрыла ворота сама. Пятнадцатого апреля я ехала на семинар.

Часть II. Чужой мир

Глава 6. Порог

— Правила, — сказал Люк, когда мы выехали за ворота.

Я сидела сзади, справа, за пассажирским креслом. Он сам так посадил: отсюда, сказал он, вас не видно с тротуара, и до двери ближе всего. Я смотрела на дорогу в просвет между его плечом и подголовником. Заправка. Перекрёсток. Он повернул налево, к городу.

— Я в коридоре, у двери аудитории, всё время, пока идёт семинар. Вы садитесь ближе к двери. Если станет плохо и вы не сможете встать или сказать, возьмите себя правой рукой за левое запястье. Вот так. — Он на секунду поднял руку от руля и показал. — Я увижу через стекло в двери. Я войду.

— А если вы отвернётесь?

— Я не отвернусь.

Я обхватила своё левое запястье правой рукой, просто чтобы попробовать. Пальцы сомкнулись легко. Запястье за полгода стало тонким, как у подростка, и косточка торчала, острая. Я отпустила.

— Если станет плохо, но вы сможете идти, просто выходите. Не надо объяснять преподавателю. Не надо ничего объяснять никому. Выходите, и всё.

— Все будут смотреть.

— Пусть смотрят. Это их проблема.

Город начался незаметно. Сначала заборы и склады, потом заправки, потом дома с балконами, потом уже улицы, светофоры, люди. Люди на тротуарах. Много людей. Девушка с коляской. Мужчина с собакой. Подростки на самокатах. Я никогда не замечала, сколько их, этих людей, и как близко они проходят друг от друга, задевая плечами, и никто не боится.

Я считала светофоры. Их было одиннадцать до кампуса.

Он въехал не через главный вход.

Я поняла это не сразу. Сначала просто увидела незнакомые ворота, узкие, служебные, с будкой охранника, и спортивные площадки за ними, и подумала, что это другая сторона кампуса, где я никогда не бывала. Потом, когда мы шли от машины к филологическому корпусу, я посмотрела налево и увидела вдалеке, за деревьями и библиотекой, большую парковку у главного входа.

Ту самую.

От неё до нас было метров триста. Между нами стояла библиотека и полоса молодых лип. Мы шли так, что парковку загораживало здание почти всё время, а когда не загораживало, Люк оказывался слева от меня и закрывал её собой.

Он выбрал маршрут. Он, наверное, неделю ходил здесь, пока я считала шаги до ворот, и выбрал маршрут, на котором я не увижу то место. И ничего мне об этом не сказал.

Мне вдруг стало трудно идти, но не так, как бывало. По-другому.

— Вы нарочно, — сказала я.

— Что?

— Вы знаете что.

Он помолчал.

— Здесь ближе к корпусу, — сказал он. Врать он не умел совершенно.

Аудитория была маленькая. Длинный стол, двенадцать стульев, доска, окно в сад. Пахло мелом, кофе и чьими-то духами. Девять человек уже сидели. Все обернулись, когда я вошла, и я поняла, что все знают. Конечно, знают. Моё лицо было в новостях в сентябре и в октябре, на каждом сайте, под заголовками со словом «дочь». Я была «дочь девелопера», «дочь мецената», «похищенная дочь». У меня тогда не было имени.

Я села на ближайший к двери стул. Сквозь стекло в двери я видела плечо Люка: он встал в коридоре у стены, напротив, чуть сбоку.

Все ещё смотрели. Девушка с зелёными волосами отвела глаза. Парень в очках — тоже. Остальные нет.

— Добрый день, — сказал профессор Ламберт и вошёл, не закрыв дверь. Ему было лет шестьдесят пять, у него была лысина, седая борода и галстук-бабочка в мелкий горошек, а в руках стопка книг до подбородка. — Простите, я заблудился в собственном факультете. Это случается каждую весну. Начнём с простого. Каждый скажет, зачем он пришёл к Гессе. Честно. Если соврёт, я это пойму, я старый.

Начали с другого конца стола. «Нужен зачёт по зарубежной». «Мне подруга посоветовала». «Я читал “Степного волка” в шестнадцать, и он мне сломал жизнь, хочу, чтобы ещё раз». Все засмеялись. Я тоже, кажется.

Дверь распахнулась.

— Простите, простите, профессор, автобус, — сказал парень в дверях. Высокий, худой, в растянутом свитере, с рюкзаком на одном плече, лохматый, рыжеватый. Он оглядел стол, увидел, что свободных стульев два, оба рядом со мной, и плюхнулся на ближний, задев меня локтем. — Ой. Извини.

— Мистер Брандт, — сказал профессор. — Зачем вы пришли к Гессе?

— Ради печенья, — сказал парень. — Мне сказали, у вас на семинарах печенье.

— Печенье будет в мае, если доживёте, — сказал Ламберт. — Дальше. Мисс...

Он посмотрел на меня. Я знала, что он знает. И все знали, что он знает.

— Хейл, — сказала я. — Нора.

— Мисс Хейл. Зачем?

В голове было пусто. Я могла сказать «нужен зачёт». Могла сказать «мне посоветовали». Все бы кивнули и пошли дальше.

— Мне однажды дали почитать его книгу, — сказала я. — Там, где больше нечего было читать. Я хочу понять, что я тогда прочитала.

Стало тихо. Парень рядом, Брандт, перестал ковырять обложку блокнота. Ламберт посмотрел на меня поверх очков долгим, внимательным взглядом. Не жалостливым. Скорее заинтересованным, как смотрят на редкое издание.

— Это самая честная причина за сегодня, — сказал он. — И самая правильная. Дальше.

Книга была та же.

Ламберт раздал программу, и первой в ней стояла «Сиддхартха». Он вытащил из своей стопки несколько экземпляров и пустил по столу, для тех, у кого нет. Это было другое издание. Твёрдая обложка, синяя, без реки и без размытого человека. Но я увидела название на корешке, и у меня онемели губы.

Книга доехала до меня по столу. Я на неё смотрела и не брала.

Я не помню, сколько так сидела. Ламберт говорил что-то о структуре, о трёх частях, об индийском и немецком, а я смотрела на синюю обложку, и мне казалось, что от неё пахнет сырым бетоном.

Парень рядом подвинул книгу ко мне чуть ближе. А потом, когда я так и не взяла, подвинул обратно, к себе, и положил рядом свою. Потрёпанную, в мягкой обложке, с загнутыми уголками и с кофейным кругом на задней стороне.

— Моя, — сказал он шёпотом, не глядя на меня. — Только не обращай внимания на заметки на полях, я там в основном ругаюсь.

На его обложке тоже была река. Но другая. Нарисованная от руки, синим маркером, поверх напечатанной. А поверх реки — кривой кораблик и подпись: «Т. Брандт, руками не трогать».

Я открыла. Не на восемьдесят седьмой. На первой.

На полях его рукой, крупно: «Сид, ты зануда».

У меня из горла вырвался звук. Не смешок даже, а просто воздух, который не знал, куда деваться. Брандт посмотрел на меня краем глаза и чуть-чуть улыбнулся.

В конце Ламберт задал вопрос. Почему Сиддхартха уходит из отцовского дома? Ответили по-разному: потому что ищет истину, потому что ему скучно, потому что брахманы ничего ему не дали. Ламберт кивал и молчал. Тогда я подняла руку, и мне показалось, что я наблюдаю за собой со стороны: девушка у двери поднимает руку.

— Потому что, если он останется, он станет таким, как отец, — сказала я. — Он не за истиной уходит. Он уходит, чтобы не стать.

Ламберт снял очки и протёр их галстуком-бабочкой.

— А это, мисс Хейл, — сказал он, — тема для эссе. До четверга, тысяча слов. Всем.

Все застонали. Брандт рядом пробормотал: «Спасибо, Хейл, удружила», и я впервые за семь месяцев засмеялась при посторонних. По-настоящему, вслух.

Она застряла во мне, эта лёгкость. Мы вышли из корпуса, Люк сбоку, в двух шагах, и я шла по дорожке между липами и чувствовала, как будто внутри открылось окно и туда тянет весенним воздухом. Я сделала это. Я сидела в аудитории полтора часа, среди чужих людей, и ответила на вопрос, и смеялась, и меня никто не утащил. Брандт крикнул мне вслед: «Хейл! Эссе! Ты обещала мне его написать!», и я крикнула через плечо, что ничего не обещала.

Во дворе у фонтана стояла толпа: перерыв, студенты, кофе, кто-то играл на гитаре. Я смотрела на них, как смотрят на море после долгой зимы.

И увидела его.

Он стоял у фонтана, чуть в стороне от всех. Капюшон серой толстовки на голове. Руки в карманах. Он стоял, перенеся весь вес на одну ногу, правую, а левую чуть отставив, носком в сторону, как будто ему было лень стоять ровно.

В подвале, в двери, у самого пола, была щель. Когда я лежала на матрасе, щека на бетоне, я видела в эту щель полоску света из коридора. И иногда — ноги. Чьи-то кроссовки. Кто-то стоял за дверью, переговаривался с кем-то, курил. Стоял на одной ноге, правой. А левая была отставлена, носком в сторону.

Запах. Мокрый бетон, сигаретный дым, ржавчина.

Я побежала.

Я не помню, куда. Я помню, что ноги несли меня прочь от фонтана, по газону, мимо лип, и мимо кого-то, кто крикнул: «Эй!», и я не слышала ничего, кроме собственного сердца, которое стучало где-то в горле, и топота, моего топота. Впереди была дорога, обычная внутренняя дорога кампуса, по которой ездят машины доставки, и я выбежала на неё, не видя ничего.

Гудок. Длинный, злой, совсем рядом.

Меня рванули назад за локоть. Сильно. Я ударилась спиной обо что-то твёрдое — о грудь. Белый фургон доставки — опять белый, господи, почему всегда белый — пронёсся мимо в полуметре, водитель что-то кричал в открытое окно.

Рука на моём локте не отпускала. Держала крепко, но не больно.

— Нора, — сказал Люк мне в затылок. — Нора. Это я. Стойте.

Нора. Не мисс Хейл. Он сказал «Нора».

Я стояла. Дышала. Его рука на локте, его грудь у меня за спиной, твёрдая и тёплая сквозь куртку, и сердце у него тоже колотилось, я чувствовала лопаткой.

Я не отстранилась.

Я должна была. Любое прикосновение за эти полгода было для меня как ожог. Мама гладила меня по голове, и я уходила. Отец пытался обнять, и я застывала, как деревянная. Медсестры в больнице, полицейские, Фогель, которая один раз положила руку мне на плечо, — всё было как ожог.

А это не было.

Я подняла руку и вцепилась в его рукав. Пальцами, изо всех сил, как в перила.

Так мы стояли, не знаю сколько. Через дорогу, у фонтана, парень в серой толстовке откинул капюшон, засмеялся чему-то, хлопнул по плечу друга. Обычный парень, лет девятнадцати, с прыщами на подбородке, с бутылкой лимонада. Он даже не смотрел в нашу сторону.

— Это не он, — сказала я.

— Не он.

— Я знаю, что не он.

— Я знаю, что вы знаете.

Я отпустила рукав. Он отпустил мой локоть и сразу шагнул назад, на свои два шага, и мне стало холодно спине.

— Я забыла про запястье, — сказала я.

— Я видел, — сказал он. — Ничего. Я всё равно видел.

В машине я долго молчала. Одиннадцать светофоров. Склады. Заправка, где расходятся три дороги. Он ничего не говорил, и радио не включал.

На последнем повороте перед домом я сказала:

— Я поеду снова.

— Семинар в четверг.

— Значит, в четверг.

Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида, коротко, и снова на дорогу. В зеркале я видела только его глаза, серые, и морщинки в уголках, которых раньше не замечала. Он улыбался. Губ я не видела, но глаза улыбались.

— Значит, в четверг, — сказал он.

Дома я села писать эссе. Тысяча слов о том, почему человек уходит из отцовского дома. Я написала первую фразу и долго на неё смотрела. Потом стёрла. Потом написала снова, точно такую же.

Локоть ныл. На нём к вечеру проступили синяки: четыре пятнышка сверху и одно снизу, от пальцев. Я рассматривала их в ванной под лампой, трогала, и мне почему-то совсем не хотелось, чтобы они проходили.

Глава 7. Тео

Эссе вернулось ко мне в следующий вторник с одной фразой красной ручкой внизу: «Вы пишете так, будто вам есть что терять. Не теряйте. — Л.»

Я показала Тео. Он прочитал, присвистнул и показал мне своё. Внизу его эссе было написано: «Брандт, это не эссе, это стихотворение в прозе о печенье. Переделать».

— Он меня ненавидит, — сказал Тео с удовольствием.

— Он тебя обожает. Он просто не умеет это показывать.

— Как и все мужчины старше пятидесяти, — сказал Тео. — Пошли кофе пить. Я угощаю. У меня есть ровно четыре доллара и талон на скидку.

Я посмотрела в стекло двери. Люк стоял в коридоре, у стены. Он слышал, конечно.

— Пошли, — сказала я.

Кафе называлось «Пеликан» и было на первом этаже библиотеки. Шесть столиков, стойка, кофемашина, которая шипела как паровоз, плакаты с джазовыми концертами семидесятых. Тео взял мне латте с корицей, не спросив, хочу ли я корицу. Я не хотела. Я выпила.

Люк сел через два столика, у двери, лицом к залу. Взял эспрессо. Открыл телефон.

— Твоя тень пьёт эспрессо без сахара, — сказал Тео, понизив голос. — Это тревожный знак. Люди, которые пьют эспрессо без сахара, ненавидят радость.

— Он не моя тень.

— Он ходит за тобой на расстоянии двух шагов и смотрит на всех, кто к тебе подходит, как на подозрительный пакет в аэропорту. На меня он смотрел так, будто я сейчас взорвусь.

— Может, и взорвёшься.

— Может, — согласился Тео. — От корицы.

Он был лёгкий. Это было главное, что я про него поняла в первые две недели. Он ничего не нёс на плечах, кроме рюкзака, а рюкзак был набит в основном черновиками и сломанными наушниками. Его бабушка держала пекарню на другом конце города, он жил над пекарней и вставал в пять утра помогать с тестом, поэтому на семинарах иногда засыпал и вздрагивал, когда Ламберт хлопал книгой по столу. Он писал стихи. Писал их везде: на полях, на салфетках, на руке шариковой ручкой. Стихи были так себе. Он сам это знал и не огорчался.

В первый же день в «Пеликане» он сказал:

— Слушай, Хейл. Я знаю, кто ты. Все знают. Я могу делать вид, что не знаю. А могу не делать. Как тебе удобнее?

Я смотрела на корицу в пене.

— Делай вид.

— Окей, — сказал он. — Тогда привет. Я Тео. Ты кто?

— Нора.

— Очень приятно, Нора. Чем занимаешься?

— Сажу дома.

— О, — сказал Тео. — Я тоже мечтаю этим заниматься. Возьмёшь в ученики?

И всё. Больше он ни разу не спросил. Ни про сентябрь, ни про подвал, ни про то, почему за мной ходит мужчина с лицом, как сказал Тео, «у которого на обед были гвозди». Он рассказывал про бабушку, про тесто, про девушку, которая бросила его в старшей школе ради барабанщика. Он спрашивал, что я думаю про Гессе, про погоду, про то, можно ли считать хот-дог сэндвичем. Он вёл себя со мной так, будто со мной ничего не случилось.

И в этом было такое облегчение, что иногда мне хотелось плакать прямо над латте.

В тот день он написал мне стихотворение на салфетке. Про весну. Там было «весна — тесна» и «окно — давно», и что-то про ласточку, которая не знает, куда ей лететь. Он придвинул салфетку ко мне и сделал вид, что очень занят пакетиком сахара.

— Это ужасно, — сказала я.

— Я знаю. Но от души.

Я засмеялась. Громко. Громче, чем было нужно.

Потому что краем глаза увидела, как Люк поднял голову от телефона.

Я не знаю, зачем я это сделала. То есть знаю, но не хочу знать. Я засмеялась громко, откинувшись на спинку стула, тронула Тео за руку и сказала: «Подари мне её, я повешу над кроватью», и всё это время смотрела не на Тео, а немного мимо, туда, где у двери сидел человек с эспрессо без сахара.

Люк смотрел на меня секунду. Может, две. Потом снова опустил глаза в телефон. Лицо у него было совершенно спокойное. Каменное.

Мне стало стыдно. И ещё — немного обидно, что ему, кажется, всё равно. И от этой обиды стало ещё стыднее.

Тео сложил салфетку вчетверо и сунул мне в карман куртки.

— Над кроватью не надо, — сказал он. — Над кроватью вешают то, что хорошо. Положи под подушку. Туда кладут то, что от души.

— Ваш поэт рифмует «весна — тесна», — сказал Люк, когда мы выехали за ворота кампуса.

Я посмотрела на его затылок.

— Вы читаете чужие салфетки?

— Я читаю всё, что лежит в радиусе трёх метров от вас.

— Это называется вторжение в частную жизнь.

— Это называется работа.

— Он вам не нравится.

— Он мне никак.

— Неправда.

Он молча перестроился в левый ряд. Светофор. Красный. Я считала секунды: двадцать восемь.

— Неправда, — повторила я. — Вы на него смотрите так, будто он вам должен денег.

— Я на всех так смотрю.

— На Инес вы смотрите нормально.

— Инес не берёт вас за руку.

Вот. Вылетело. Я увидела, как у него дёрнулась челюсть: он сам не ожидал, что это скажет. Зелёный. Он тронулся слишком резко, меня качнуло на сиденье.

Я откинулась назад и стала смотреть в окно, на склады. Внутри у меня что-то делало странные вещи: одновременно поднималось и проваливалось, как на качелях, когда раскачиваешься слишком сильно и на верхней точке на миг кажется, что сейчас перевернёшься.

— Это я его взяла за руку, — сказала я. — Не он меня.

— Я заметил.

— И что?

— Ничего, мисс Хейл.

Мисс Хейл. В понедельник на кампусе, на дороге, когда меня чуть не сбил фургон, он сказал «Нора». Два раза. А потом снова — мисс Хейл, мисс Хейл, как будто ничего не было. Как будто не было его руки на моём локте и синяков, которые всё ещё не сошли.

Меня это бесило. Я не понимала, почему меня это так бесит.

— Тео Брандт, — сказал Люк, глядя на дорогу. — Двадцать один год. Живёт с бабушкой над пекарней на Гровер-стрит. Отец ушёл, когда ему было три, мать в другом штате. Один штраф за безбилетный проезд в автобусе в прошлом году. Один привод за распитие пива в парке в восемнадцать. Больше ничего.

Я медленно повернулась от окна.

— Вы его проверили.

— В первую же неделю.

— Вы проверили человека, с которым я пью кофе.

— Я проверил всех двенадцать человек на семинаре и профессора. И бариста в «Пеликане». И охранника на служебных воротах.

— Вы обещали! — Я сама не заметила, как повысила голос. — Вы сказали отцу, при мне: что я читаю, с кем говорю — не ваше дело! Вы сами это сказали!

— Ваша жизнь — не моё дело, — сказал он ровно. — Люди, которые сидят с вами за одним столом, — моё.

— Это одно и то же!

— Нет.

— Да!

Он затормозил у заправки, на перекрёстке трёх дорог. Не потому что надо было, а просто встал на обочине, включил аварийку и повернулся ко мне всем корпусом, положив руку на спинку пассажирского сиденья.

— Мисс Хейл, — сказал он. — В сентябре вас увезли в фургоне от парковки у главного корпуса. Полиция до сих пор не знает, откуда похитители знали ваше расписание. Кто-то знал, когда вы выйдете, с какой стороны пойдёте и что будете одна. Сейчас вам кто-то присылает страницы из книги, которая была с вами в подвале. И вы хотите, чтобы я не проверил парня, который через неделю после вашего возвращения садится рядом с вами и пишет вам стихи?

Я молчала.

— Если бы он оказался тем, кем не должен, а я бы не проверил, потому что пообещал не лезть, — сказал он тише, — что бы вы сказали тогда?

Я не ответила. Он посмотрел на меня ещё секунду, отвернулся, выключил аварийку и поехал дальше. До дома мы не сказали ни слова.

Я злилась на него весь вечер. Злилась на то, что он прав. Злилась, что он залез в жизнь Тео, в его бабушку и пекарню и в пиво в парке, как в чужой холодильник. Злилась, что он сказал «Инес не берёт вас за руку», а потом сделал вид, что не говорил.

И ещё я — вот это было хуже всего — была рада. Где-то очень глубоко, там, куда я старалась не заглядывать. Мне было приятно, что он проверил. Что ему не всё равно, кто сидит со мной за столом. Что у него дёрнулась челюсть.

Я не хотела этому радоваться. Я запретила себе. Ничего не хотеть — это была моя единственная защита, и я держалась за неё изо всех сил.

Ночью я достала из кармана куртки салфетку. Развернула. «Весна — тесна», «окно — давно», ласточка. Корявый почерк, синяя ручка. Я перечитала её три раза и попыталась услышать в ней голос Тео — весёлый, немного картавый на «р».

Но в голове почему-то звучал другой голос. Ниже. Ровнее. Голос, который сказал мне в затылок, на дороге, посреди гудков и чужих криков: «Нора. Это я. Стойте».

Я сложила салфетку и положила под подушку, как велел Тео. Туда кладут то, что от души.

А потом долго лежала, смотрела на полоску света из коридора, на ладонь шириной, и думала о том, что не понимаю, о чьей душе идёт речь.

Глава 8. Клэр

В мае я перестала спать совсем.

Не потому, что стало хуже. Наоборот. Днём у меня теперь была жизнь: два семинара в неделю, «Пеликан», Тео со своими салфетками, эссе, которые Ламберт возвращал с красными пометками. Днём было столько всего, что ночью оно не помещалось обратно в голову и лезло наружу. Я лежала и думала. О Гессе. О реке. О том, что сказала Фогель: «Ты стала хотеть, Нора, и теперь тебе страшно». Об эссе. О том, почему человек, который рифмует «весна — тесна», мне нравится, а человек, который пьёт эспрессо без сахара, мне не нравится, но я думаю о втором, а не о первом.

В три часа ночи я сдалась, взяла книгу и спустилась на кухню.

Над плитой горел свет. Люк сидел за столом с кружкой чая, в серой футболке, босиком. Перед ним ничего не было: ни телефона, ни карты. Он просто сидел и смотрел в окно, в темноту.

Он обернулся на звук моих шагов. Я застыла в дверях в пижаме и шерстяных носках, с книгой, прижатой к груди. Мне вдруг стало неловко, как будто я застала его за чем-то личным.

— Не спится? — спросил он.

— А вам?

— Я сплю по четыре часа. С армии.

— Сейчас три. Вы уже поспали?

— Нет ещё.

Я налила себе воды. Постояла у раковины. Мне можно было уйти. Взять воду и подняться наверх. Но наверху было то же, что и раньше: потолок, полоса света, мысли.

Я села напротив. С краю. Положила книгу на стол.

Он посмотрел на обложку. Потрёпанная, мягкая, синяя река, нарисованная маркером, кривой кораблик. «Т. Брандт, руками не трогать».

— Это его, — сказала я, хотя он не спрашивал. — Он мне одолжил. Свое издание я так и не купила.

Люк кивнул и ничего не сказал про Тео. Я была ему за это благодарна. И немного разочарована. Я сама себя не понимала.

— Хотите, прочитаю? — сказала я. И сразу испугалась того, что сказала. — Вслух. Мне легче, когда вслух. Голос заглушает... остальное.

Он долго смотрел на меня. Потом отодвинул свою кружку.

— Давайте.

Я открыла книгу там, где Сиддхартха приходит к реке и встречает перевозчика.

Я читала тихо, медленно, спотыкаясь на длинных фразах. Это было место, где старый перевозчик говорит, что научился всему у реки. Что река везде одновременно: у истока и у устья, у водопада и у переправы. Что у реки есть только настоящее, ни тени прошлого, ни тени будущего. Это место в подвале я подчеркнула. Страница восемьдесят семь. Её вырвали и прислали мне в белом конверте, а теперь у меня в руках было другое издание, и страница там была другая, девяносто третья, но слова те же.

Я дочитала до конца главы и подняла глаза.

Он сидел, опустив голову, сцепив пальцы на столе. Шрамы на левой руке белели под лампой.

— Вы не слушали, — сказала я.

— Слушал. — Он не поднял головы. — Река везде одновременно. Только настоящее. Ни тени прошлого.

— Вы верите в это?

— Нет, — сказал он. — Но хотел бы.

За окном где-то далеко проехала машина. Свет фар скользнул по стене и пропал.

— Как звали вашу сестру? — спросила я.

Он поднял голову.

Я не знала, имею ли право. Я сама не любила, когда спрашивают. Но он тогда, в первую ночь, у двери, сказал «была сестра», и я всё это время носила в себе это «была», как камешек в ботинке.

— Клэр, — сказал он.

Пауза.

— Она была младше на шесть лет. Это она назвала собаку Сардиной. Мать умерла, когда Клэр было двенадцать. Отец... был, но не очень. — Он покрутил кружку на столе. — Я ушёл в армию в девятнадцать. Клэр осталась с ним. Ей было тринадцать. Я думал, это ненадолго, пару лет, потом заберу её к себе. Потом была одна командировка, вторая. Потом она связалась с компанией. Потом начались таблетки. Потом не таблетки.

Он сказал это очень ровно. Как будто читал вслух чужой рапорт.

— Мне было двадцать шесть, ей двадцать. Я был за океаном. Она позвонила. Я был на выезде, увидел пропущенный только ночью. Подумал: вернусь на базу, перезвоню. На базу мы вернулись через неделю. Я перезвонил. Трубку взял отец.

Он замолчал. Я ждала. Он больше ничего не сказал.

Я поняла, что это не всё. Что там, под этим ровным голосом, есть ещё что-то, чего он не скажет ни мне, ни кому-то другому, может, никогда. Как я не говорила никому про голос за дверью.

Я протянула руку и положила ладонь на тыльную сторону его ладони. На шрамы.

Он не пошевелился. Совсем. Даже дышать, кажется, перестал. Рука у него была тёплая, жёсткая, неподвижная, как камень на солнце.

Я держала ладонь секунду. Две. Я думала о том, что впервые за полгода не меня утешают, а я. Что это совсем другое чувство. Будто держишь в руках что-то тяжёлое, и от этой тяжести становишься твёрже сама.

Потом я убрала руку и сделала вид, что поправляю книгу.

— Сардина долго прожила? — спросила я.

Он медленно выдохнул.

— Четырнадцать лет. Под кроватью так и не научилась помещаться.

Я засмеялась. Тихо. И он улыбнулся, впервые за всё время по-настоящему, ртом, а не только глазами. У него оказалась неровная улыбка: правый угол поднимался выше левого.

— Идите спать, мисс Хейл, — сказал он. — Четыре утра.

— А вы?

— Я посижу.

Я поднялась к себе и легла. Полоска света из коридора лежала на полу, на ладонь шириной. Я смотрела на неё и думала, что он сидит там внизу, на кухне, один, и смотрит в окно, где ничего нет. И ещё думала о том, что не знаю, от чего мне сейчас больше: от его истории или от того, что он мне её рассказал.

Заснула я под утро. Впервые за неделю.

В воскресенье приехал Рэй.

Я увидела в окно, как у ворот остановился огромный старый пикап, красный, облезлый, с вмятиной на двери. Из него вылез огромный человек. Не толстый — огромный, как шкаф. Чёрный, с гладко выбритой головой, в гавайской рубашке с попугаями, с коробкой пончиков в

руках. Люк вышел ему навстречу, и они обнялись, хлопая друг друга по спине так, что, наверное, было слышно у ворот.

— Рэй Окафор, — сказал Люк, когда они вошли в холл. — Мисс Хейл. Рэй был моим командиром.

— Был и остался, — сказал Рэй. Голос у него был басовитый, гулкий, как из бочки. — Просто он теперь не слушается. Мисс Хейл, очень приятно. Пончики. Это вам. Этому не давать, он не заслужил.

Я взяла коробку. Она была тёплая.

Рэй пробыл у нас весь день, и весь день в доме было громко. Он смеялся так, что в кухне звенели стаканы. Он рассказывал, как Люк в учебке плакал над картошкой. Люк сказал, что не плакал, а это был лук. Рэй сказал, что лук они не чистили, только картошку. Люк сказал, что Рэй путает. Рэй сказал, что он ничего никогда не путает, потому что у него слоновья память и слоновье сердце. Инес хохотала, вытирая слёзы полотенцем. Я никогда не видела, чтобы Инес хохотала.

Потом мы втроём, я, Рэй и Инес, играли на кухне в карты. Рэй научил нас какой-то игре, правила которой, как я подозреваю, придумывал на ходу, потому что выигрывал всегда он. Люк не играл. Он сидел у двери, лицом к нам, пил кофе и смотрел на меня и Рэя с таким выражением, какого я у него раньше не видела. Как будто ему было хорошо и он этого немного стеснялся.

В какой-то момент Рэй бросил карты, откинулся на стуле и сказал:

— Мисс Хейл, вы знаете, что он за человек?

— Рэй, — сказал Люк от двери.

— Помолчи. Я рассказываю. Мисс Хейл, однажды в Кандагаре...

— Рэй.

— ...однажды в Кандагаре, — продолжил Рэй, не обращая внимания, — у нас кончилась вода. И этот человек...

И он рассказал историю, наполовину смешную, наполовину страшную, про колодец, козу и лейтенанта, который потом стал сенатором. Я смеялась. Люк делал вид, что его здесь нет. У него горели уши.

К вечеру Рэй засобирался. Я вышла его проводить на крыльцо, сама, без напоминаний, и он это заметил: посмотрел на меня, на ступеньки, на гравий, на ворота, и у него стало какое-то непонятное лицо. Он протянул мне свою огромную ладонь, и я пожала её, и ладонь была тёплая и шершавая, как кора.

— Рад видеть тебя на ногах, девочка, — сказал он.

И осёкся. Совсем чуть-чуть. Не больше чем на полсекунды. Если бы я не провела полгода, вслушиваясь в каждый звук за дверью, я бы не заметила.

Я заметила.

— А вы видели меня не на ногах? — спросила я.

— По телевизору, — сказал Рэй. Сразу, легко, с улыбкой. — В новостях. Тебя же по всем каналам показывали, на носилках, у скорой. Вся страна видела.

Меня правда показывали. Кто-то из соседей снял на телефон, как меня выносят к машине, и продал телеканалу. Я видела это видео один раз, в больнице, и больше никогда не смотрела.

— Да, — сказала я. — Конечно.

Рэй кивнул, улыбнулся ещё шире и пошёл к своему пикапу.

Люк стоял у меня за спиной, в дверях. Я обернулась и увидела, как он смотрит на Рэя. Не так, как смотрел весь день. Тяжело. Как смотрят на человека, который только что уронил что-то хрупкое.

Потом он заметил, что я смотрю на него, и его лицо снова стало обычным. Спокойным. Каменным.

— Холодает, — сказал он. — Идите в дом, мисс Хейл.

Я пошла.

Ночью я лежала и смотрела на полосу света. «Рад видеть тебя на ногах». На носилках, у скорой. Вся страна видела. Это было правдой, и это было логично, и это было абсолютно ничего не значащей фразой, которую говорят все. Я сто раз слышала её от разных людей с сентября.

Но никто из них не осекался на полсекунды. И ни на кого из них Люк не смотрел так, будто тот разбил что-то, что уже нельзя склеить.

Глава 9. Лорен

В четверг у двери аудитории стоял Рэй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.